

Валентин Красногоров

АКТ ТВОРЕНИЯ

Пьеса в двух действиях

ВНИМАНИЕ! Все авторские права на пьесу защищены законами России, международным законодательством, и принадлежат автору. Запрещается ее издание и переиздание, размножение, публичное исполнение, помещение спектаклей по ней в интернет, экранизация, перевод на иностранные языки, внесение изменений в текст пьесы при постановке (в том числе изменение названия) без письменного разрешения автора.

[Полные тексты всех пьес автора, рецензии, список постановок](#)

Контакты:

Тел. +7-951-689-3-689
(972)-53-527-4146, (972) 53-52-741-42
e-mail: valentin.krasnogorov@gmail.com
Сайт: <http://krasnogorov.com/>

© Валентин Красногоров

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АВТОР

АКТЕР

АКТРИСА

ДРАМАТУРГ

АННОТАЦИЯ

Драматург и актеры показывают зрителям процесс создания пьесы.

Действие первое

Обстановка и реквизит – простейшие, «концертные»: стол, два-три стула. Может быть, несколько головных уборов, париков и других деталей одежды и реквизита, необходимых для быстрого перевоплощения актеров. На сцену выходит Автор.

АВТОР. Добрый вечер. Я – драматург. Сегодня мы, актеры и я, будем сочинять пьесу и спектакль прямо здесь, на ваших глазах. Может быть, с вашей помощью. У меня пока нет никакого плана. Я даже не знаю, о чем она будет.

Возглас из публики: «О любви!»

О любви? Хорошо, пусть будет о любви. Мужчина и женщина, Он и Она... Тема вечная, неисчерпаемая и всегда вызывающая интерес. Может быть, потому, что каждый из нас в жизни участвует в этой драме. Хотя о ней написано, рассказано и показано так много, что, кажется, уже невозможно добавить что-либо новое.

Но пусть будут Он и Она. *(Обращается куда-то за кулисы.)* Идите сюда.

На сцену выходят двое – Он и Она. Лица их скрыты накидкой, под просторной одеждой трудно угадать их облик.

Что ж, начнем... Но, прежде чем будет произнесено первое слово, надо знать: кто же они у нас будут – эти Он и Она? Ведь пока они - никто. Их вообще нет. В нашей власти сотворить их кем угодно, придать любые черты, характеры и судьбы. Например, какую роль будет играть в нашей драме мужчина? Мужа? Любовника? Скрипача? Старика? Подростка? Оптимиста? Неврастеника?

Актер, принимая разные позы, может с помощью масок и других предметов реквизита поочередно изображать называемых персонажей.

На этот вопрос ответить нельзя, пока не решим, кем будет наша героиня. Героев пьесы нельзя сочинять порознь, отдельно. В драме они тесно взаимодействуют, и из этого взаимодействия, из их любви, ненависти, ревности, зависти и рождаются характеры, рождается сюжет. Поэтому надо создавать всех их одновременно, вместе.

АКТЕР. А что если сделать ее врачом? Тогда меня удобно сделать ее пациентом.

АВТОР. Может, лучше, студенткой? Тогда вас удобно сделать преподавателем. Она попытается дать вам взятку, чтобы получить нужную отметку.

Актеры изображают называемых персонажей.

Или вы просто любовники?

Актеры пылко обнимают друг друга.

Супруги?

Актеры расходятся, и каждый смотрит в свой телефон.

Брат и сестра?.. Нет, «брат и сестра» неинтересно... Ладно, пусть наши герои

будут пока просто «Он» и «Она».

АКТЕР. Нельзя строить сюжет, не определив характера персонажей.

АВТОР. Правильно. Но выбирать персонажей, не представляя ясно, о чем и зачем пьеса, тоже нельзя.

АКТЕР. Вы всё говорите и говорите, а публика нетерпеливо ждет какого-нибудь действия. Хочешь – не хочешь, надо начинать.

АВТОР. Ладно, попробуем импровизировать. (*Актерам.*) Начинайте.

Пауза.

Ну? Что же вы оба молчите? Скажите что-нибудь?

АКТРИСА. Что, например?

АВТОР. Что-нибудь. Ведь вы женщина – неужели вам легче молчать, чем говорить?

Задайте ему какой-нибудь женский вопрос, он ответит, а там дело пойдет.

АКТРИСА. (*Подумав, Актеру.*) Ты меня любишь?

Актер вопросительно смотрит на Автора.

АВТОР. Почему вы не отвечаете?

АКТЕР. А что отвечать?

АВТОР. Неужели нечего?

АКТЕР. Проблема не в том, что нечего, а, напротив, слишком много вариантов.

АКТРИСА. Ты меня любишь?

АКТЕР. (*Горячо.*) Да! С первой минуты, как тебя увидел!

АКТРИСА. Ты меня любишь?

АКТЕР. (*После подобающей паузы, смущенно и печально.*) Нет.

АКТРИСА. Ты меня любишь?

АКТЕР. (*После тяжелой борьбы с собой.*) Не знаю.

АКТРИСА. Ты меня любишь?

АКТЕР. А что?

АКТРИСА. Ты меня любишь?

АКТЕР. (*Пылко.*) Очень! Всякий раз, когда я уходил от тебя к другим женщинам, я быстро убеждался, что они и подметки твоей не стоят.

АВТОР. Что ни ответ, то другая драма. И другой жанр: трагедия, мелодрама, комедия... Какой ответ ни избрать, все остальные, еще более заманчивые, пропадут зря. Каждая пьеса – это кладбище неиспользованных возможностей. Если даже допустить, что на каждую реплику может быть только два разных ответа, то драма длиной всего в одну страничку будет иметь миллиард вариантов. Миллиард! А ведь, к тому же, одни и те же слова и фразы могут иметь разный смысл.

АКТРИСА. Ты меня любишь?

АКТЕР. (*Ласково обнимая ее и нежно целуя после каждого слова.*) Ну сколько раз можно спрашивать одно и то же?

АКТРИСА. Ты меня любишь?

АКТЕР. (*Озверело и истерично.*) Ну сколько раз можно спрашивать одно и то же?

АВТОР. Слова те же, а пьесы разные... Значит, придется еще думать и об интонации...

АКТРИСА. (*Автору.*) Так любит он меня или нет?

АВТОР. Видимо, чтобы это решить, надо вернуться к тому, с чего мы начали, и определить кто вы такие. Случайные встречи? Начальник и подчиненная? Попугачики в автобусе?

АКТЕР. Кстати, о месте действия. Где будут совершаться события? На улице? Дома?

АКТРИСА. Не знаю. Может быть, в гостиничном номере? Это пикантно. Или в

ресторане? Давайте в автобусе.
АКТРИСА. *(В форменном берете.)* Гражданин!

Он, сидя на стуле, трясется «в автобусе», притворяясь спящим. Она трясет его за плечо.

Гражданин, ваш билетик?
АКТЕР. А?

АКТРИСА. Ваш билетик!

Он начинает рыться в карманах.

Не задерживайте!

Он продолжает рыться в карманах. Она насмешливо улыбается.

Никак не найти? А может, вы его и не покупали?

АКТЕР. Я вовсе и не билет ищу.

АКТРИСА. А что же?

АКТЕР. Свой телефон.

АКТРИСА. *(Подозрительно.)* Зачем это вам?

АКТЕР. Чтобы занести туда номер вашего телефона.

АКТРИСА. Я все делаю по правилам. Если вы чем-то недовольны, звоните старшему контролеру.

АКТЕР. Зачем мне ему звонить? Мне понравились именно вы, а не старший контролер. У вас чудные синие глаза. Мы ведь еще встретимся? Диктуйте, я записываю.

АКТРИСА. Перестаньте зубы заговаривать! Предъявите билет или платите штраф.

АКТЕР. Вы красивая и нежная. Такие женщины теперь редкость. Их вообще нет.

АКТРИСА. Значит, штраф?

АКТЕР. Выпишите квитанцию, и я приеду платить штраф к вам домой. Скажите адрес.

АКТРИСА. Гражданин, не задерживайте.

АКТЕР. Давайте, я помогу вам проверять билеты. Хотите? А когда вы закончите работу, я провожу вас домой.

АКТРИСА. Я закончу не скоро.

АКТЕР. Тем лучше! Я не тороплюсь. Будем ходить по автобусам вместе.

АКТРИСА. Вы серьезно или ваяете дурака?

АКТЕР. Меня зовут Костя. А тебя?

АКТРИСА. Меня?.. Наташа.

АКТЕР. Наташа, милая... *(Вскакивает и бросается к выходу.)*

АКТРИСА. *(Растерянно.)* Вы куда?

АКТЕР. Моя остановка. Извини. *(Убегает.)*

АКТРИСА. *(Вдогонку.)* А билет?

АВТОР. Нет, автобус – плохое место действия. Там все происходит слишком быстро и слишком быстро кончается. Придумайте что-нибудь другое.

АКТРИСА. Автор – вы, придумывать – ваше дело. Наше дело – играть.

АВТОР. Актеры тоже должны думать.

АКТРИСА. Зачем? За нас думают автор и режиссер. А мы пьес не пишем.

АКТЕР. Я как-то пробовал создать пьесу. Но что можно написать про нашу скучную серую обыденную жизнь, в которой никогда ничего не происходит? Звонит мне сегодня приятель и спрашивает: «Как жизнь»? Я говорю: – «Нормально». Вот и вся пьеса.

АВТОР. Да, про такую нормальную жизнь написать пьесу трудно: сегодня, как вчера, завтра – как сегодня, и так далее. Но сюжет пьесы - это не норма, а отклонение от нормы. Со службы вдруг выгнали, из университета исключили, карман пуст, долги не вернуть, нога сломана, машину украли, жена изменяет, муж бросает семью, полиция приходит с обыском. Или наоборот: тебя вдруг назначают начальником, неизвестно откуда сваливаются большие деньги, ты пошла на вечеринку, встретила там миллионера, и он делает тебе предложение... Короче: отклонись от нормы, – и у тебя начнется драма.

АКТЕР. А события? А характеры?

АВТОР. Отклонения от нормы – это есть события, а в них проявится и характер. Представьте, например, что кто-то плывет на корабле. Всё, как на рекламной картинке: море спокойное, солнышко светит, пассажир мирно дремлет в шезлонге или пьет в баре коктейль. Что мы можем о нем сказать? Ничего. Но вдруг началась буря, корабль тонет. Вот тогда-то в действии мы и узнаем его характер. Он или бессильно прячется в своей каюте, или находчиво ищет пути к спасению, или помогает спасти других, или расталкивает пассажиров, чтобы самому пробиться к шлюпке. Вот про такую жизненную бурю, а не про тихое море и не про разговоры в каюте, и пишутся хорошие пьесы.

АКТЕР. У кого бывают такие бури? В моей жизни, например, точно ничего не произойдет.

ДРАМАТУРГ. Неизвестно. Ведь жизнь каждого из нас – это драма, которую пишем мы сами. Только обычно получается не то, что ты задумал, и хуже, чем ты хотел. Нам кажется, что творим ее по своей воле, но на самом деле мы не знаем, что ждет нас завтра. Может быть, случится какая-то неожиданная встреча, или мы заболеем, или влюбимся, или потеряем работу, или что-то еще круто изменит нашу судьбу. Такой же должна быть и хорошая пьеса – неожиданной, непредсказуемой, такой, чтобы мы не могли догадаться, что ждет нас за очередным поворотом.

АВТОР. Разве это хорошо – не знать, что тебя ожидает?

ДРАМАТУРГ. Это прекрасно. Если ты знаешь, что дальше будет в твоей жизни, то незачем дальше жить. Но хватит разговаривать. Играйте.

АКТЕР. А что играть?

АВТОР. Представьте, что вы – актеры и снимаетесь в сериале «Зловещие ночи». Покажите нам эпизод из 253-ей серии.

АКТРИСА. Где происходит действие?

АКТЕР. В отделении полиции.

АКТЕР надевает фуражку полицейского и садится, АКТРИСА (она тем временем успела переодеться в смелый костюм) садится против него и принимает очень непринужденную позу.

АКТЕР. (Строго.) Гражданка, чем вы занимались ночью на улице недалеко вокзала?

АКТРИСА. (Вызывающе.) Искала в магазине нижнее белье.

АКТЕР. Белье? В два часа ночи? (Иронически.) Ну, и купили?

АКТРИСА. (Принимая еще более смелую позу.) Как видите, нет.

АКТЕР. (Смутившись, старается принять суровый вид.) Вы знаете, сколько полагается за это занятие?

АКТРИСА. (Понизив голос.) Скажите, сколько, и я заплачу.

АКТЕР. (Оглянувшись и тоже понизив голос.) Пять тысяч.

АКТРИСА. (Сует ему деньги.) Я могу идти?

АКТЕР. Адресочек-то дашь?

АКТРИСА. Я дома не работаю

АКТЕР. А где ж я тебя найду?

АВТОР. Отставить!

АКТЕР. (*Вытянувшись по стойке "смирно".*) Слушаюсь!

АВТОР. Тема слишком скользкая. Придумайте что-нибудь другое.

АКТРИСА. Опять придумывать? Опять другое?

АВТОР. Я хочу попробовать разные пути и выбрать лучший.

АКТРИСА. (*Недовольно.*) Так мы будем пробовать без конца.

АКТЕР. Говорят, если обезьяну посадить за компьютер, она рано или поздно случайно напечатает "Войну и мир". Только придется ждать триллионы и триллионы лет. Но здесь мы ждать не можем. Нужна ясная цель, внятная идея, иначе мы бесконечно будем топтаться на месте. Разве у вас нет четкого плана пьесы?

АВТОР. Легко сказать – план... Чтобы придумать план, нужно знать, какие герои у тебя будут действовать, что с ними произойдет и чем все закончится. Другими словами, придумать план и сочинить всю пьесу – это почти одно и то же.

АКТЕР. Так есть у вас план или нет?

АВТОР. План есть, но что значат наши планы? Ведь так легко сбиться с них в сторону. В жизни мы тоже что-то планируем, принимаем важные и твердые решения, например, жениться, или разводиться, или сменить профессию, но потом передумываем, или нам что-то мешает. А что касается незначительных решений, мы принимаем их каждый день и час: пойти налево или направо, поехать в гости или остаться дома, почитать книгу или смотреть телевизор. И порой от одного-единственного поступка - на первый взгляд, случайного и неважного, - может зависеть вся твоя последующая жизнь. Ты опоздал на поезд, или кого-то поцеловал, или подписал какую-то бумагу, или пошел на какую-то вечеринку – и этот короткий миг может определить твою судьбу, к добру или не к добру. Так и пьеса. Стоит написать одну единственную не «ту» реплику – и все пойдет не так, как ты задумал вначале.

АКТРИСА. Но раз уж мы на сцене, нельзя же все время рассуждать. Надо что-то и играть.

АВТОР. Ну что ж, играйте.

АКТРИСА. Продолжать в полицейском участке?

АВТОР. Нет.

АКТРИСА. Тогда что? Только чтобы было поменьше слов. Нам столько не выучить.

АВТОР. Хорошо. Слов будет немного. Перенесем действие в лифт.

АКТЕР нажимает воображаемую кнопку вызова лифта. Створки «лифта» раздвигаются, они заходят в него, АКТЕР нажимает кнопку. Лифт начинает подниматься. АВТОР поднимает голову, следя за лифтом. АКТЕР в лифте прижимает женщину к себе в пылком поцелуе. Она слабо сопротивляется.

АКТРИСА. Не надо...

Лифт останавливается. Он, не прерывая поцелуя, наощупь нажимает другую кнопку.

АКТРИСА. (*Слабым голосом.*) Не надо...

«Лифт» движется вниз. Двери раскрываются, поцелуи и все более жаркие объятия продолжаются. На этот раз Она наощупь нажимает кнопку, и лифт снова отправляется вверх. Автор провожает его взглядом то вверх, то вниз.

АКТРИСА. (*Слабым голосом.*) Не надо...

АВТОР. Хорошая пьеса. И длинная, хотя очень мало слов. (*Осторожно хлопает*

влюбленных по плечу.) Извините...

АКТЕР. *(С трудом отрываясь от женщины. Недовольно.)* Вы все время нас прерываете. Дайте доиграть хоть одну сцену до конца.

АВТОР. Конеч лучше доиграйте не на публике.

АКТРИСА. *(Открывая глаза, слабым голосом.)* Где мы?

АВТОР. Мы теперь уже в деревне.

АКТРИСА. В какой деревне?

АВТОР. Неважно. В деревне «Тихая Кубань».

АКТРИСА. А лифт?

АКТЕР. Уехал.

АКТРИСА. Не хочу в деревню. Хочу в лифт.

АВТОР. Персонажи должны делать то, что придумал автор.

АКТРИСА. А если он плохо придумал?

АВТОР. Кончайте спорить и перестраивайтесь на деревню.

АКТРИСА. *(Приводя себя после бурных объятий в порядок и надевая платочек.)* Из-за вас мы ни на чем не можем сосредоточиться.

АКТЕР. И деревня мне совсем не знакома! Я не знаю, что говорить.

АВТОР. Войдешь в роль, найдешь и слова.

Звучит гармонь.

АКТЕР. *(Сильно окая.)* Агроном гуторил, овсы нонче знатные.

АКТРИСА. *(В платочке, окает еще сильнее.)* Овсы-то знатные, да, гуторят, козы усё потоптали. От.

АКТЕР. *(Игриво толкая ее в бок.)* Пойдем поглядим, что ли?

АКТРИСА. На овсы-то? Светло еще. Да и коров доить надо.

АКТЕР. Вот подоишь, и приходи.

АКТРИСА. В овсы-то? Хорошо. Приду нонче, как стемнеет. *(Умолкает и смотрит в листок с ролью.)*

АВТОР. Ну, чего вы замолчали?

АКТЕР. Тут написано: «уходит, почесывая затылок».

АВТОР. Ну так и уходите.

АКТЕР. А затылок почесывать?

АВТОР. Почесывайте, раз написано.

Актёр чешет затылок.

АКТРИСА. *(Переставая окать.)* В деревне хорошо, но все это безнадежно устарело.

АКТЕР. И очень скучно.

АКТРИСА. Мы не хотим быть персонажами такой пьесы. На нас это не ложится.

АВТОР. Вы слишком много спорите.

АКТЕР. Мы совсем не спорим. Но нам нужна новая драма, энергичная, крепкая, такая, как теперь пишут. Неужели вам ничего не приходит в голову?

АВТОР. Наоборот, слишком много всего. Не знаю, что выбрать.

АКТРИСА. Выберите что-нибудь в модном стиле.

АВТОР. Ну хорошо, если вам так хочется, играйте новую драму.

АКТЕР. *(В образе бомжса. Актрисе.)* Привет.

АКТРИСА. Привет.

АКТЕР хочет ее раздеть. АКТРИСА его отталкивает.

АКТЕР. Ты чё, твою мать? Сдурела?

АКТРИСА. Ничё. Я, бля, в норме. Ты чё хочешь?

АКТЕР. Ваше-то, это... Ну, типа стяни платье, что ли.

АКТРИСА. Чё вдруг?

АКТЕР. Мы ж современные. Не ходить же по сцене одетыми.

АКТРИСА. Ну ладно.

Оба раздеваются.

АКТЕР. А чё ты не ложишься?

АКТРИСА. Я думала, может, ты захочешь типа стоя или сидя.

АКТЕР. А ты как хочешь?

АКТРИСА. Я могу по-всякому.

АКТЕР. *(Подумав.)* Ну, тогда давай, для разнообразия, лежа.

Ложатся.

АКТРИСА. Как тебя зовут?

АКТЕР. *(Выходя из образа, Автору.)* Ну как? Правда, намного интереснее, современнее, оригинальнее?

АКТРИСА. *(Все еще лежа.)* Мне тоже нравится!

АВТОР. А какой у вас дальше будет диалог?

АКТЕР. А зачем нам диалог? У нас будет действие.

АКТРИСА. А я хочу, чтоб и со сцендвижением.

АКТЕР. А это, уж, само собой. Лежа и с движением.

АВТОР. А слова?

АКТЕР. Кому они теперь нужны?

АВТОР. Действие – это, конечно, хорошо... Но я человек старомодный и считаю, что пьеса должна быть все-таки литературой, а не мычанием коров. Наш театр всегда был психологическим.

АКТРИСА. *(Вполголоса, Актеру.)* Он замучит нас своими вариантами. Давай смоемся.

АКТЕР. *(Вполголоса, Актрисе.)* Подожди, потерпим еще немного.

АКТРИСА. А почему не сейчас? Ты хочешь дожидаться, когда уйдет половина зала?

АКТЕР. Тихо, он услышит. *(Автору.)* Психологический так психологический. Вы бы сразу и сказали. Нам все равно. *(Актрисе.)* Поехали.

АКТРИСА. *(Задумчиво.)* Знаешь, дорогой, сегодня по телевизору сказали, что надо работать. И я подумала – как это верно! Почему я раньше работала и об этом не задумывалась? Теперь я поняла: надо работать! И мои две сестры тоже так считают - надо работать!

АКТЕР. *(Задумчиво.)* Вот и я – всю жизнь работал, и как-то некогда было задумываться над тем, что надо работать.

АКТРИСА. *(Задумчиво.)* Теперь, когда после работы примусь за домашнюю работу, я буду думать – надо работать! И мне будет как-то радостнее работать.

АКТЕР. Ты права. Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги. Как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камни, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге... Боже мой, не то что человеком, лучше быть волком, лучше быть простою лошадьёю, только бы работать!

АКТРИСА. И мне так хочется хотя бы один день в моей жизни поработать так, чтобы прийти вечером домой, в утомлении повалиться в постель и уснуть тотчас же. Рабочие, должно быть, спят крепко!

АКТЕР. Но счастья нет, не должно быть и не будет для нас...

АКТРИСА. Если послушать нашего интеллигента, то с женой он замучился, с домом

замучился, с дачей замучился, с машиной замучился... Ему, конечно, в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватается так невысоко? Почему он с детьми замучился, с женой замучился?

АКТЕР. А почему жена и дети с ним замучились?

АКТРИСА. Почему мы все мучаемся?

АКТЕР. Потому что мы интеллигенты и мало работаем.

АКТРИСА. Надо выдавливать из себя интеллигентность. Она портит настроение и цвет лица. А ведь в женщине все должно быть прекрасно: и лицо, и тело, и одежда, и мысли. В особенности, одежда. Мысли не так видно.

АКТЕР. Мы должны только работать и работать, а счастье - это удел наших далеких потомков. Лет через двести, триста жизнь будет невообразимо прекрасной, изумительной...

АВТОР. Стоп! Куда это вас понесло?

АКТЕР. Извините, это мы как-то машинально съехали на Чехова.

АВТОР. Попробуйте теперь выехать назад.

АКТРИСА. Чем вам не нравится Чехов?

АВТОР. Мне он нравится, но мы же создаем новую современную пьесу, а не читаем тексты прошлого века. Придумайте что-нибудь поновее.

АКТЕР. Наше дело не придумывать, а говорить вслух, что вы там навалили.

АВТОР. Вот именно: вы не играете, а говорите вслух. Я вам не верю.

АКТРИСА. Ну и что? Теперь уже давно никто ни во что не верит. Мы не верим в завтрашний день, не верим врачам, не верим политикам, не верим врагам...

АКТЕР. И, что гораздо хуже, не верим друзьям.

АКТРИСА. И уж давно потеряли веру в театр.

АКТЕР. (*Агрессивно.*) А если вам не нравится, что и как мы говорим, так мы никому в партнеры не набиваемся. Сами умоляли нас поучаствовать в эксперименте.

АКТРИСА. (*Актеру.*) Идем отсюда.

АВТОР. (*Удерживая Актрису.*) Куда вы? Оставайтесь!

АКТРИСА. Зачем? Мы хотим играть высокую драму, а вы заставляете нас показывать легкие эстрадные скетчи.

АВТОР. Подождите, драма ведь еще не начата! Мы пока только пробовали разные возможности и не дошли даже до первой строчки.

АКТЕР. Боюсь, мы никогда до нее и не дойдем. У вас просто нет воображения.

АВТОР. Неправда! Вы сами видели, что у меня хватает воображения на десяток пьес.

АКТРИСА. У вас хватает его только на короткие эпизоды. Сценку создать легко. А мы хотим, чтобы спектакль нес в себе какой-то нравственный урок. Пьеса должна быть зеркалом жизни, а у вас не зеркало, а какие-то его маленькие осколки. В них можно увидеть глаз, нос, губы, ухо, но нельзя увидеть всего человека.

АВТОР. Но из этих коротких эпизодов и слагается жизнь!

АКТРИСА. Нет. Как из осколков нельзя создать целого зеркала, так и из разрозненных эпизодов не слагаются ни пьеса, ни судьба человека.

АКТЕР. Она права. Мы не хотим разминиваться на мелочи. Мы хотим играть судьбу.

АВТОР. Чью, например?

АКТЕР. Нашу собственную. Но так, чтобы каждый зритель узнал в ней самого себя. Пьеса должна заставить их задуматься.

АКТРИСА. Правильно. Мы хотим быть самими собой.

АВТОР. Что значит «самими собой»?

АКТРИСА. А это значит играть не кого-то, а самих себя.

АВТОР. И, думаете, публике это будет интересно?

АКТРИСА. Конечно! Ведь мы такие же люди, как и зрители. А зрителя трогает

спектакль, только если он узнаёт в нем собственные проблемы и надежды, свои несбывшиеся мечты, свои ошибки, боли, сомнения, короче – самих себя и свою жизнь.

АВТОР. Я и стремлюсь создать об этом пьесу.

АКТРИСА. Стремиться мало. Надо еще уметь.

АВТОР. А вам не кажется, что играть тоже надо уметь?

АКТЕР. Не беспокойтесь, мы умеем. Но нам здесь нечего и некого играть. Вы всё время перескакиваете с одной темы на другую.

АВТОР. Но ведь наша пьеса не про любовь, не про измену, не про воров и не про взяточников.

АКТРИСА. Про что же она тогда?

АВТОР. Это пьеса про то, как сочиняется пьеса. Про сам процесс творения.

АКТЕР. Это никому не интересно.

АВТОР. Это интересно мне самому.

АКТРИСА. Вот сидите дома и пишите сами для себя. А нас в это дело не впутывайте. Мы не хотим быть персонажами плохой пьесы.

АВТОР. Что в ней плохого?

АКТЕР. О качестве пьесы судят не только по тому, что в ней есть, но и по тому, чего в ней нет. В хорошей пьесе нет лишних персонажей, лишних разговоров, лишних тем, лишних пауз, короче – ничего лишнего. Скажи внятно и кратко то, что ты хотел сказать, вот и получится хорошая пьеса. А у вас лишнее всё.

АКТРИСА. Совершенно верно. Что это за автор, который не знает, о чем будет его пьеса, с чего начнется и чем кончится? Вы меняете персонажей и сюжет каждые десять минут. А мы – актеры! Мы должны глубоко вживаться в роль, прочувствовать характер своих героев, а где они, эти герои? Кто они?

АКТЕР. Да! Мы уже перестали понимать, кто мы такие.

АВТОР. Персонажи всегда пытаются выйти из подчинения автору и хотят жить и поступать по-своему. Но у вас этот номер не пройдет. Запомните: я – драматург, а вы – мои персонажи. Вы будете говорить и делать то, что я хочу, а не наоборот.

АКТРИСА. Беда как раз в том, что вы не знаете, чего хотите. Почему вообще вы пишете пьесы? Зачем вам это надо?

АВТОР. Я пишу, чтобы выразить себя.

АКТЕР. *(Ядовито.)* А главное - заработать деньги.

АВТОР. Если уж кто любит зарабатывать на искусстве, так это актеры.

АКТРИСА. Неправда! Признание публики, аплодисменты для нас важнее денег.

АВТОР. *(Презрительно)* Аплодисменты... Почему бы не признаться честно, что вы просто торгуете собой?

АКТРИСА. Если вы так о нас думаете, ищите других персонажей и других актеров. *(Актеру.)* Нам нечего здесь делать. Пошли.

Актриса демонстративно берет свои вещи и выходит. Актер собирается следовать за ней.

АВТОР. Пойдите! А публика? Вы о ней подумали?

АКТЕР. Нас это не касается. Вы кашу заварили, вы и расхлебывайте.

Актер направляется к выходу. Навстречу ему входит новый персонаж, которого мы назовем Драматург.

ДРАМАТУРГ. *(Актеру, строго.)* Вы куда?

АКТЕР. Спектакль окончен.

ДРАМАТУРГ. Ничего подобного. Он только начинается.

АКТЕР. Для вас, быть может, он и начинается, а мы уходим.

ДРАМАТУРГ. (*Повелительно.*) А я вам говорю: вы останетесь.

АКТЕР. И не подумаем.

ДРАМАТУРГ. Что это еще за капризы? Прекратить немедленно! Не забывайте, где вы находитесь! Вы на сцене, а не у бабушки в гостях!

АКТЕР. (*Присмирив.*) А кто вы, собственно, такой?

ДРАМАТУРГ. Прежде всего, перестаньте шуметь, поставьте вашу сумку на место и возвращайтесь к работе.

Актер нехотя кладет сумку.

Теперь скажите: чем вы недовольны?

Актер молчит.

Ну? Я жду.

АКТЕР. Мы персонажи пьесы, которую сочиняет вот этот человек. (*Кивает на Автора.*) И нам не нравится, как он это делает.

ДРАМАТУРГ. Что именно вам не нравится?

АКТЕР. Он не дает нам ни жить, ни чувствовать, ни действовать самим.

ДРАМАТУРГ. Что значит «не дает»?

АКТЕР. Он хочет, чтобы мы были живыми, но при этом превращает нас в говорящих кукол. Диктует нам каждый шаг и каждое слово.

ДРАМАТУРГ. А кто сказал, что вы должны ему подчиняться?

АКТЕР. Но он же автор!

ДРАМАТУРГ. (*Насмешиливо.*) Он – автор?

АКТЕР. Да, а что?

ДРАМАТУРГ. Нет, ничего. (*Строго.*) Где ваша партнерша?

АКТЕР. Ушла. Наверно ждет меня на выходе.

ДРАМАТУРГ. Немедленно верните.

АКТЕР. Кто вы, все-таки, такой, чтобы здесь распоряжаться?

ДРАМАТУРГ. Если уж вам так хочется знать, я драматург, автор пьесы, которую вы сейчас так неумело играете.

АКТЕР. Вы что-то путаете. Вот автор. Вот он – стоит перед вами.

ДРАМАТУРГ. Ничего подобного. Настоящий автор сегодняшнего представления - я.

АКТЕР. Вы?!

ДРАМАТУРГ. Я. И вы – мои персонажи.

АКТЕР. А кто же он?

ДРАМАТУРГ. Никто. Тоже персонаж, который по моей воле считает себя автором.

АВТОР. Что значит «считает»? Я и есть автор.

АКТЕР. А он?

АВТОР. А он – самозванец.

ДРАМАТУРГ. (*Автору.*) Сейчас мы с вами это выясним. (*Актеру.*) А вы пока делайте, что вам говорят. Идите и верните сюда актрису.

Актер выходит.

АВТОР. Вы в самом деле драматург?

ДРАМАТУРГ. Естественно.

АВТОР. Тогда вы знаете, какая это проклятая профессия! Каторжный труд, бессонные ночи, взвешивание каждого слова, редактирование, исправления... А, когда наконец закончишь пьесу, ее никто не хочет читать. Но даже если повезет, и пьесу спустя лет десять поставят, то жадный продюсер и самодовольный режиссер

искажат ее до неузнаваемости. И тогда откуда-то выползут советчики, критики и критиканы. Они начнут над тобой насмехаться, и будут правы, а тебе нечем и негде будет возразить. Каждый знает, как надо писать пьесу, пока не садится сочинять ее сам.

ДРАМАТУРГ. Но, вы сами-то знаете, о ком и о чем должна быть ваша пьеса?

АВТОР. Да, конечно, я знаю. Вернее, думаю, что знаю. У меня есть план, есть идея, есть цель... Но мои герои вдруг совершают не объяснимые для меня поступки. Мне все время приходится с ними бороться. Их тянет то в одну, то в другую сторону, они говорят не то, что я задумал, и делают не то, что я планировал. Постоянно приходится возвращать их в русло пьесы, и не всегда они легко на это соглашаются.

ДРАМАТУРГ. Но ведь это нормально. Твои персонажи – это все равно, что твои дети; Кажется, что они полностью принадлежат тебе: ведь ты их создал, ты их вырастил, ты их всему научил. И вдруг... И вдруг оказывается, что они больше не хотят от тебя зависеть, что у них есть собственная жизнь. И тебе будет очень горько, если ты этого вовремя не поймешь.

АВТОР. Но что это за автор, если он не может справиться со своими героями?

ДРАМАТУРГ. Напротив, иногда их «самостоятельность» является признаком мастерства автора: Это означает, что они стали «настоящими», что он дал им характеры, цели и желания настолько сильные, что даже ему самому непросто их изменить. Поэтому не надо насиловать своих героев, заставлять их говорить и делать то, что не свойственно их натуре.

АВТОР. В чем же тогда заключается роль автора?

ДРАМАТУРГ. В том, чтобы создать мир пьесы, населить его, вставить пружину действия и завести ее. Вы знаете, так называемую «теорию часового механизма»?

АВТОР. При чем тут часовой механизм?

ДРАМАТУРГ. В Средние века многие теологи и философы считали, что Вселенная подобна огромному часовому механизму: господь бог создал его, установил свои правила и законы, завёл, привел в движение, и с тех пор стрелки и шестеренки крутятся сами, а творец уже ни во что не вмешивается и не принимает в этом никакого участия. Примерно так поступает и драматург. Его задача – расставить героев по местам и вдохнуть в них жизнь. И тогда они начнут жить, думать, говорить и действовать сами, не требуя подсказки. И ему остается только слушать, смотреть и записывать.

АВТОР. Уж не считаете ли вы и себя эдаким богом, демиургом, творцом людей и миров? Создателем чего-то нового, что не существовало раньше?

ДРАМАТУРГ. Да, именно так.

АВТОР. Избыточное самомнение. На деле вы не более чем закройщик, который из кусков действительности кроит всю ту же действительность, только с разными вариациями. Так что будьте скромнее.

Драматург про другую драму

ДРАМАТУРГ. Послушайте меня. Я дал вам роль автора, но теперь понял, что вы с ней не справляетесь. Да и зачем кому-то изображать драматурга, если уже есть настоящий драматург – я сам?

АВТОР. А кто же тогда я?

ДРАМАТУРГ. Просто актер.

АВТОР. Вы хотите переделать меня из автора - творца, художника! – в актера? Кто дал вам право так меня унижать

ДРАМАТУРГ. Так вы и есть актер. И, если хотите знать, я не понижаю ваш статус, а

повышаю. Ведь актер тоже творец и художник. И быть актером более престижно, чем быть автором. Артистов показывают по телевизору, у них берут интервью, их узнают на улице, люди интересуются, кто из них за кем замужем, кто с кем развелся и кто с кем живет. А кто интересуется драматургами? Кто их знает? Кто вообще помнит их имена? Да вы и сами только что проклинали эту профессию. Так что прощайтесь с ролью автора. Отныне со сценками и отрывками покончено. Будем играть настоящую полнокровную драму.

АВТОР. Какую?

ДРАМАТУРГ. Ту, которую я сейчас сочиню.

АВТОР. Думаете, это так просто?

ДРАМАТУРГ. Считайте, что она уже готова.

АВТОР. А если конкретно? Где она, ваша драма?

ДРАМАТУРГ. Не моя, а ваша. Драма вашей жизни, а не моей. Неужели вы ее не видите? Она ведь очевидна!

АВТОР. Это общие слова. ... Я тоже хотел сочинить настоящую драму.

ДРАМАТУРГ. Но у вас ничего не вышло. Знаете, в чем была ваша ошибка? Вы пытались построить конфликт между героем и героиней, сталкивая только их двоих. Но настоящий конфликт между мужчиной и женщиной возникает лишь тогда, когда в нем присутствует кто-то третий. На сцене или за сценой, неважно. Важно, что он должен быть.

АВТОР. Так расскажите, о чем же будет ваша пьеса.

ДРАМАТУРГ. Зачем рассказывать, когда можно показать? Мы ее разыграем.

АВТОР. Прямо сейчас?

ДРАМАТУРГ. Прямо сейчас. Хотя нет – сначала надо найти пропавших актеров. Найдите их и приведите наконец сюда. А пока устроим перерыв.

Действие второе

Автор нервно шагает из угла в угол. Входит Актер.

АВТОР. Где вы пропадали? Я вас повсюду искал. А где ваша партнерша?

АКТЕР. Где-то здесь.

АВТОР. Приводите ее, и будем продолжать?

АКТЕР. Что продолжать?

АВТОР. Сочинение пьесы.

АКТЕР. Чьей?

АВТОР. Что значит «чьей»? Моей конечно.

АКТЕР. Но ведь мы же выяснили, что вы не автор.

АВТОР. Интересно, когда мы это выяснили?

АКТЕР. Еще до перерыва. Настоящий драматург – это тот, другой. Который велел вернуться.

АВТОР. Что значит «велел»? Он, что – генерал, а вы солдат?

АКТЕР. А что я мог сделать? Мы, персонажи, обязаны говорить и поступать, как нам диктует автор.

АВТОР. Мне вы подчиняться не хотели, подняли мятеж, требовали самостоятельности, а его слушаетесь, как малые ребята в детском саду.

АКТЕР. Ну... Он такой требовательный... И такой уверенный в себе.... А у вас все время были только варианты.

АВТОР. Творчество и состоит в том, чтобы выбрать лучший из тысячи вариантов, а от всех лишних, даже привлекательных, но уводящих в сторону, отказаться. Постоянно приходится отбирать: события, персонажей, эпизод, каждое слово. А вам выбирать не захотелось. Вы хотите, чтобы кто-то думал за вас.

АКТЕР. Что значит «кто-то»? Он же драматург!

АВТОР. А кто же я, по-вашему?

АКТЕР. Вы? Персонаж его пьесы. Он вас сочинил. Как и нас.

АВТОР. Я – сочиненный? Еще чего! Запомните: я настоящий! Настоящий! Можете меня потрогать! Я живу, я чувствую, я действую, у меня есть своя воля!

АКТЕР. Не понимаю, чем вы возмущаетесь.

АВТОР. Не понимаете? Если я персонаж его пьесы, то мои мысли – это не мои мысли. Их кто-то придумал за меня и вложил мне в голову. Я совершаю поступки не потому, что я сам так захотел или решил, а потому что так решил за меня кто-то другой.

АКТЕР. Ну, и что?

АВТОР. Как «ну, и что»? Я – личность! Я не хочу, чтобы мной кто-то управлял.

АКТЕР. Всеми нами кто-то управляет.

АВТОР. Но не мной!

АКТЕР. И вами тоже. Всеми. И не только на сцене, но и в жизни. Есть ли у каждого из нас хоть одна своя мысль? Нет, ничего своего нет. Те редкие мысли, что гуляют у нас в голове, внушили нам родители, учителя, приятели, книги, газеты, телевидение, интернет...

АВТОР. Неправда! Я полностью самостоятелен.

АКТЕР. Это вам только кажется. На деле всеми нами управляют разные обстоятельства, другие люди, чужие мнения, внешние силы. Они движут нас, как

шахматные фигуры на доске.

АВТОР. Я с этим никогда не соглашусь.

АКТЕР. Поймите: бунтовать бессмысленно. Мы, актеры, давно смирились с тем, что мысли и слова у нас не наши, что они нам продиктованы и внушены. А вы этого не понимаете и считаете, что они ваши собственные.

АВТОР. Да, я так считаю!

АКТЕР. И напрасно. Все мы куклы в руках кукловодов.

АВТОР. Может быть, все – но не я.

АКТЕР. Когда я вам говорил, что мы, герои вашей пьесы, тоже живые, что мы хотим быть самостоятельными, что нельзя навязывать нам поступки и слова, вам это не нравилось. Вам хотелось нами управлять. А сейчас, когда вы сами стали персонажем, вы возмущаетесь. Мы смирились. Смиритесь и вы.

Входит Драматург.

ДРАМАТУРГ. Извините, я немного задержался. Что, перерыв уже кончился? Давайте приступим к делу. Все на месте? (*Оглядывается сцену. Актеру.*) Где же актриса, черт побери? Кто она такая? Здесь сцена, здесь театр, здесь зрители! Что она себе позволяет?

АКТЕР. Сейчас я ее приведу.

ДРАМАТУРГ. И скажите, что ее ждет разнос.

Актер выходит.

(*Автору.*) А вы тоже не стойте, как дерево. Готовьтесь играть.

АВТОР. Разве я тоже должен играть?

ДРАМАТУРГ. А для чего, по-вашему, вы тут находитесь?

АВТОР. Но я же автор!

ДРАМАТУРГ. Дорогой мой, забудьте эти бредни. Пора наконец начать играть пьесу.

АВТОР. Но я ее еще не придумал! У меня пока нет к ней ключа.

ДРАМАТУРГ. Да этот ключ лежит на поверхности! Подумайте сами. Ну? Еще не догадались?

Автор растерянно пожимает плечами.

Тогда я вам подскажу. Вас на сцене трое.

АВТОР. Но у меня в пьесе нет третьего персонажа!

ДРАМАТУРГ. А у меня будет.

АВТОР. Кто?

ДРАМАТУРГ. Вы.

АВТОР. Я?

ДРАМАТУРГ. Вы.

АВТОР. И кем я буду?

ДРАМАТУРГ. Во всяком случае, не автором. Просто мужчиной.

АВТОР. И что дальше?

ДРАМАТУРГ. Повторяю, вас трое: двое мужчин и одна женщина. Красивая привлекательная женщина. (*Подчеркнуто.*) Женщина одна, а мужчин двое. И в пьесе, и в жизни драма начинается тогда, когда появляется женщина. Теперь понимаете?

АВТОР. Кажется, да.

ДРАМАТУРГ. Вы оба хотите ее, оба стремитесь ее завоевать. А, может, она уже принадлежит одному из вас, но другой хочет ее отнять. На одну ночь. Или на всю жизнь.

АВТОР. А она? Чего хочет она?

ДРАМАТУРГ. Это зависит от вас. В любом случае, вам надо ее добиваться. Обманом, хитростью, лестью, искренностью, подарками, деньгами – как получится. Так, чтобы она захотела того же, что и вы. Так что начинайте, а я теперь могу отдохнуть, ведь пьеса уже, можно сказать, написана.

АВТОР. Вы уже написали все слова?

ДРАМАТУРГ. Нет. Вы произнесете их сами. Ведь я вам объяснял: главное – это выбрать нужных персонажей и поставить их в правильные ситуации. Дальше все покатится само собой, почти без моего участия. Это все равно, что поставить поезд на рельсы. Он, вроде бы, движется, куда хочет, но на самом деле идет единственным стальным путем, с которого ему не свернуть.

АВТОР. Я не совсем согласен с вами.

ДРАМАТУРГ. Можете совсем не соглашаться, это ничего не изменит. Как и всякий персонаж, вы любите поспорить со своим драматургом. Однако вы не единственный герой моей драмы. Пора заняться и другими. А вы пока начинайте сцену ревности с вашим соперником.

АВТОР. Каким еще соперником?

ДРАМАТУРГ. Вы уже забыли? Вы стремитесь завоевать с ним одну и ту же женщину.

АВТОР. Зачем мне ее завоевывать? Мне совершенно нет до нее дела.

ДРАМАТУРГ. Я что-то вас не понимаю. Вам нет дела до женщины? Правда, я ее еще не видел, но разве она уродина?

АВТОР. Она? Вовсе нет. Красивая.

ДРАМАТУРГ. Приятная?

АВТОР. Ну... В общем, да.

ДРАМАТУРГ. Так почему же вам нет до нее дела? Вы мужчина или не мужчина?

АВТОР. Я, конечно, мужчина, но... У нас тут рабочая обстановка, мы сочиняем пьесу... Короче, я вижу в ней только актрису, а не женщину.

ДРАМАТУРГ. А разве актриса не женщина?

АВТОР. Не знаю. С этой точки зрения я на нее не смотрел. Во всяком случае, я ее совершенно не ревную и вообще не испытываю по отношению к ней никаких чувств.

ДРАМАТУРГ. А она к вам?

АВТОР. Не знаю. Если и испытывает что-нибудь, то только антипатию. Мы с ней не раз ссорились.

ДРАМАТУРГ. Дорогой мой, потому она и испытывает к вам антипатию, что вы не видите в ней женщину.

АВТОР. Зачем ей это нужно?

ДРАМАТУРГ. Это нужно всем женщинам?

АВТОР. Но не могу же я вдруг просто так в нее влюбиться, ревновать, да еще у кого-то ее отнимать?

ДРАМАТУРГ. Почему нет?

АВТОР. Но как себя заставить что-то чувствовать?

ДРАМАТУРГ. Заставлять ничего не нужно. Просто посмотрите на нее как на женщину, а там дело пойдет само собой. Вам захочется ее покорить.

АВТОР. Но я не знаю, как покорять женщин.

ДРАМАТУРГ. Не знаете? И при этом пишете пьесы?! Что же вы напишете, если сами не владеете наукой побеждать? Что будут лепетать ваши герои?

АВТОР. Я... Мне...

ДРАМАТУРГ. Я все понял. Вы не способны ни писать пьесы, ни играть их. Вы вообще ни на что не способны. Так и быть, вот вам слова вашей роли. *(Протягивает*

Автору листки).

АВТОР. Спасибо, но я...

ДРАМАТУРГ. Только помните: никакие слова не покорят женщину, если они не согреты чувством. «Но сердца к сердцу речь не привлечет, коль не из сердца ваша речь течет».

АВТОР. Я понимаю, но...

ДРАМАТУРГ. Сейчас сюда придет женщина. Готовьтесь.

АВТОР. Но я...

ДРАМАТУРГ. *(Прерывая.)* И не думайте мне возражать. Счастливой охоты!
(Уходит.)

Автор, оставшись один, растерянно перебирает листки, пытается читать, оставляет чтение и решает скрыться. Он оглядывается, видит мусорную урну, бросает туда листки, осторожно направляется к выходу, но сталкивается с вошедшей Актрисой и пятится назад.

АКТРИСА. Вы собираетесь меня отчитать?

АВТОР. Я? Нет.

АКТРИСА. Но ведь вы меня звали?

АВТОР. Я? Нет.

АКТРИСА. А мне сказали, что драматург просил меня вернуться.

АВТОР. Это другой драматург. То есть, нет! Это я вас позвал.

АКТРИСА. Будем продолжить сочинение пьесы?

АВТОР. Да... Нет... Да.

АКТРИСА. Я сожалею о своем поведении. Такой уж мой характер – вечно спорить.

Но я готова продолжать.

АВТОР. Я очень рад.

АКТРИСА. Мой муж будет с минуты на минуту.

АВТОР. Кто?

АКТЕР. Мой муж.

АВТОР. Ваш муж? *(Озадаченно.)* Очень приятно. Вы меня с ним познакомите?

АКТЕР. Да вы же с ним знакомы!

АВТОР. Знаком?

АКТЕР. Это ведь мой партнер!

АВТОР. Он ваш муж?

АКТЕР. А вы не знали?

АВТОР. Не знал.

АКТЕР. Так теперь знайте.

АВТОР. Я думал, он вам просто партнер. Вернее, я ничего не думал.

АКТЕР. Партнер и законный муж.

АВТОР. Это создает проблемы.

АКТРИСА. Мой муж – это моя проблема, не ваша.

АВТОР. А он – ваша проблема?

АКТРИСА. Всякий муж – проблема. Но нашей с вами работе это не помешает.

АВТОР. Работе это не помешает, но... Понимаете... Обстоятельства изменились... Не знаю, как вам это сказать...

АКТРИСА. Я догадываюсь. Опять новая версия пьесы?

АВТОР. Можно сказать, и так. Дело в том, что... Минуточку. *(Идет к урне и ищет в ней брошенные туда листки.)* Дело в том ... *(Достает листки.)* Дело в том, что я... *(Находит нужный листок. Уныло.)* Я вас люблю.

АКТРИСА. *(Пораженно.)* Вы – меня?

АВТОР. Я – вас. Давно и без надежды.

АКТРИСА. Но мы ведь только вчера познакомились?

АВТОР. Это не имеет значения. *(Скосив взгляд на листок.)* Я потому и пригласил вас в этот спектакль, чтобы видеть вас, чтобы слышать ваш голос, чтобы быть рядом с вами, чтобы иметь возможность с вами объясниться.

АКТРИСА. Вы серьезно, или это опять проба очередной сцены?

АВТОР. Время сцен и репетиций прошло. Теперь это жизнь.

АКТРИСА. Но почему так внезапно?

АВТОР. Не знаю. Разве можно это объяснить?

АКТРИСА. И чего вы от меня хотите?

АВТОР. Чего мужчина может хотеть от женщины?

АКТРИСА. Но ведь я замужем!

АВТОР. Кого это останавливает?

АКТРИСА. Меня.

АВТОР. Не обманывайте саму себя. Кто теперь считает неверность мужу изменой?

АКТРИСА: Но я не способна изменить и самой себе. Впрочем, дело не только в том, что я хочу хранить ему верность. Может быть, и не хочу.

АВТОР. Так в чем же тогда дело?

АКТРИСА. Я просто не люблю вас.

АВТОР. *(Уныло.)* Этого не может быть.

АКТРИСА. Почему?

АВТОР. *(Заглядывая в листок.)* Потому что ты мне дороже жизни.

АКТРИСА. Каждый, кто любит, почему-то считает, что и его обязаны любить в ответ.

АВТОР. И правильно считает. Любовь должна вознаграждаться любовью. Или хотя бы ее видимостью. Так что ты мне скажешь?

АКТРИСА. Вы объясняетесь в любви как-то скучно. Как будто вас к этому кто-то принуждает.

АВТОР. Это от смущения.

АКТРИСА. Что-то не верится. Еще час назад я была для вас только говорящим манекеном для театральных экспериментов.

АВТОР. Да, так и было. Я был слеп – а теперь прозрел. *(Заглядывая в листок.)* Я сейчас как будто вас впервые увидел.

АКТРИСА. Почему вдруг?

АВТОР. Моя душа стала холодна, мне нужно, чтобы кто-то ее воспламенил. Мне нужна новизна, пряность. Мое вдохновение иссякло.

АКТРИСА. При чем тут я?

АВТОР. А вы задумывались, от чего происходит само это слово – «вдохновение»? Мне нужно, чтобы кто-то что-то вдохнул в меня.

АКТРИСА. Но почему этим «кто-то» должна быть я?

АВТОР. Вы актриса. Вы тысячу раз играли в театре любовь. Так сыграйте ее еще раз.

Вы сотни раз целовались на сцене – ну что вам стоит подарить еще один поцелуй?

Хотя бы не всерьез, хотя бы играя, хотя бы только один раз!

АКТРИСА. Нет, нет и нет!.. *(Поколебавшись.)* Вы говорите, только один раз?

АВТОР. Да!

АКТРИСА. Ну, если не всерьез, и если играя, и если только один раз...

АВТОР. *(Обнимая Актрису, радостно.)* Ты согласна?

АКТРИСА. *(Освобождаясь от объятий, впрочем, не слишком решительно.)* Нет. Я вас целовать не буду... Но если вам так уж хочется, то можете поцеловать меня сами.

Автор обнимает Актрису. Продолжительный поцелуй. Они не замечают, что на них удивленно уставился незаметно вошедший Актер. Помедлив некоторое время, Актер трогает Автора за плечо. Поцелуй прерывается.

АКТЕР. Это что такое?

АВТОР. *(Смущенно.)* Это... Это...

АКТЕР. Да, это. Я спрашиваю, что это означает.

АКТРИСА. А ты разве не видишь?

АКТЕР. Прекрасно вижу.

АКТРИСА. Мы прорабатываем очередную сцену.

АКТЕР. Сцену очередной измены мужу?

АКТРИСА. При чем тут муж? То есть... Я хотела сказать, при чем тут измена?

Автор тем временем собирается тихо улизнуть. Актер его останавливает.

АКТЕР. Вы куда?

Автор останавливается.

АКТРИСА. *(Актеру, тихо.)* Не поднимай шум. Нам нужно продолжать спектакль.

АКТЕР. *(Актрисе, тихо.)* Как ты могла?

АКТРИСА. Я тебя не понимаю. Он попросил меня сыграть сцену поцелуя, я сыграла.

В чем, собственно, дело?

АКТЕР. Ты же его всегда терпеть не могла.

АКТРИСА. Да, он мне сначала не нравился, но теперь я поняла, что он хороший человек. И, к тому же, очень талантлив.

АКТЕР. Понятно. «От плохих людей я ничего не беру, зато хорошим ни в чем не отказываю». Так?

АКТРИСА. Очень остроумно.

АКТЕР. С тобой мы еще поговорим. Отойди в сторону и стой на месте. А я пока разберусь с ним.

АКТРИСА. *(Отходя.)* Не вздумай пускать в ход кулаки.

АКТЕР. *(Не удастая ее ответом, подходит к Автору. Агрессивно.)* Давай выйдем.

АВТОР. Зачем?

АКТЕР. На пару слов.

АВТОР. Поговорить можно и здесь.

АКТЕР. Лучше не при даме. *(Берет его за грудки.)*

АВТОР. Что за тон? Мы же культурные люди.

АКТЕР. Бить морду можно и культурно.

АВТОР. Чем вы недовольны?

АКТЕР. Тем, что ты крутишься вокруг моей жены. Я ведь видел и слышал. Ты в самом деле в нее влюбился, что ли?

АВТОР. Допустим. Что тогда?

АКТЕР. Как мог такой бред прийти тебе в голову?

АВТОР. Моя голова тут ни при чем. Это вы его спросите.

АКТЕР. Кого его?

АВТОР. А вот того... *(Указывает за кулисы.)* Нового автора, который так вам понравился. Вы же решили его слушаться, вот и я слушаюсь.

АКТЕР. Так ты действуешь теперь по его сценарию?

АВТОР. Да, теперь я его персонаж.

АКТЕР. А сам ты ее любишь или нет?

АВТОР. Люблю. Но вы ведь знаете, что иногда любят против своей воли.

АКТЕР. Что ж, тогда придется вытрясти из тебя душу.

АВТОР. Вы сильнее меня и нагло этим пользуетесь. Вам не стыдно бить слабого?

АКТЕР. Мне стыдно. Но я тоже персонаж и тоже действую по его воле. Впрочем, иногда и по своей. *(Снова берет его за грудки.)*

Входит Драматург.

ДРАМАТУРГ. Это что такое? Прекратить!

АВТОР. Я не виноват. Это он напал на меня.

АКТЕР. Дело в том, что...

ДРАМАТУРГ. Немедленно покиньте сцену! Оба! Выясните отношения в другом месте. И, пока не успокоитесь, не возвращайтесь.

АКТЕР. Я хочу сказать, что он пытался...

ДРАМАТУРГ. Не хочу ничего слышать. Уходите!

Актёр и Автор уходят. Драматург подходит к Актрисе и молча долго смотрит на нее. Актриса смущена.

АКТРИСА. Кто вы? *(И, не получив ответа, продолжает.)* Впрочем, я знаю: вы – новый драматург. Тот, который настоящий. И я знаю, что вы хотите меня отчитать за то, что я ушла. *(Виновато.)* Но я же вернулась. *(И, поскольку Драматург не отвечает, продолжает.)* Простите. Я действительно была обижена, но не на вас.

ДРАМАТУРГ. Какое красивое сочетание, и как красиво ты его произнесла: «но не на». Не хватает только «ну». Ну, что же ты замолчала?

АКТРИСА. Я... Я вас не понимаю.

ДРАМАТУРГ. Да, я драматург, а ты героиня моей пьесы. Да, это я придумал твой характер, твои поступки, твою судьбу. По крайней мере, так мне казалось до этой минуты. Но теперь все полетело кувыркком.

АКТРИСА. Почему?

ДРАМАТУРГ. Потому что теперь мне стало ясно, что все мои сюжеты и планы мертвы.

АКТРИСА. Почему?

ДРАМАТУРГ. Потому что жизнь богаче, интереснее и неожиданней всяких схем. По моему замыслу ты должна была полюбить кого-то из тех двух мужчин. Но теперь все будет по-другому.

АКТРИСА. А «по-другому» это как?

ДРАМАТУРГ. Это они пусть любят тебя, а не ты их. Отдать тебя кому-то из них? Ни за что!

АКТРИСА. Но что же все-таки случилось?

ДРАМАТУРГ. Случилось неожиданное, но неизбежное: я в тебя влюбился.

АКТРИСА. Когда вы успели?

ДРАМАТУРГ. Прямо сейчас, в эту минуту. Не спрашивай объяснений. Это как молния, как удар кинжалом. И я знаю: ты ответишь мне взаимностью, и мы оба будем счастливы.

АКТРИСА. Мы оба? Но ведь вы сами говорите, что я придумана вами. Я персонаж – то есть тень, призрак, игра вашего воображения. Любовь между нами невозможна.

ДРАМАТУРГ. Для любви нет ничего невозможного. Ты реальнее всех живых женщин. Ведь как раз воображение и создает истинную реальность.

АКТРИСА. Как это может быть?

ДРАМАТУРГ. Подумай сама: кто реальнее – Анна Каренина или какая-нибудь гражданка Иванова, живущая на Зеленой улице, дом 5, квартира 17? Спроси любого человека в зале и убедишься: все знают Анну Каренину, и никто –

гражданку Иванову.

АКТРИСА. Но я же не существую, вы просто меня придумали.

ДРАМАТУРГ. Ну и что? Всякий влюбленный придумывает себе предмет любви, идеал, соединяющий в себе все прекрасное, но не имеющий ничего общего с унылой действительностью. И он искренне удивляется, почему другие люди не разделяют его восторги. Вот и я: придумал тебя и влюбился.

АКТРИСА. И любите меня уже целых пять минут.

ДРАМАТУРГ. И это самые лучшие минуты в моей жизни. Ведь самое прекрасное в любви – это ее весна, период ее зарождения и расцвета. А всё, что происходит потом, это увядание идеала, конец поэзии и господство прозы.

АКТРИСА. Выходит, прав Шекспир? «Мужчины похожи на апрель, когда ухаживают, и на декабрь, когда уже женаты».

ДРАМАТУРГ. Да, он прав. Но к нам с тобой эта трезвая истина не относится. Правила верны для других, а мы с тобой будем исключением. Нас ждет вечный апрель.

АКТРИСА. И вы на мне женитесь?

ДРАМАТУРГ. Ты хочешь, чтобы апрель сменился декабрем?

АКТРИСА. Я ничего не хочу. Я знаю только, что я всего лишь героиня вашей пьесы, и в меня нельзя влюбиться.

ДРАМАТУРГ. Настоящий автор всегда влюбляется в своих персонажей. Только тогда они и становятся реальными, только тогда он и может сочинить что-то живое и яркое. Думаешь, Шекспир не был влюблен в свою Джульетту? Или Пушкин в Татьяну?

АКТРИСА. Почему вы решили, что Пушкин был в нее влюблен?

ДРАМАТУРГ. Да ведь любовь к ней дышит в каждой строке! Кто писал «Татьяна, милая Татьяна»?

АКТРИСА. Может быть, вы в чем-то правы. Я знаю, например, что режиссер часто влюбляется в свою актрису.

ДРАМАТУРГ. Это общий закон: каждый творец влюбляется в свое творение. Пигмалион любит свою Галатею, драматург любит свою пьесу и своих героев, режиссер – свой спектакль и своих актеров. Без любви нельзя создать ничего стоящего. И если, например, режиссер влюблен в свою актрису, то в нем загорится вдохновение, он сможет раскрыть лучшие стороны ее души, ее таланта. И своего тоже.

АКТРИСА. Пигмалион, может быть, и любит свою Галатею, а Пушкин – свою Татьяну, но любит ли Татьяна Пушкина? Ведь на самом деле она не существует, они из разных миров. Так и мы с вами. Вы – из реального мира, а я – из воображаемого.

ДРАМАТУРГ. Ради тебя я готов перейти из реального мира в воображаемый и стать персонажем пьесы. Пусть ее сочиняет другой, и пусть она будет, о чем угодно, лишь бы мы с тобой были в ней вместе.

АКТРИСА. И вам не жалко будет самому перестать быть автором?

ДРАМАТУРГ. Нисколько. Пьес и так слишком много – зачем придумывать еще одну? Театр – по крайней мере, такой, каким мы видим его сейчас – уже давно всем надоел.

АКТРИСА. Но ведь у вас был уже готовый замысел.

ДРАМАТУРГ. К черту замыслы! Воображение рисует сейчас мне совсем другие картины. Оно унесет нас с тобой в долину грез, к вершинам счастья, на ложе из мягкой травы под сенью высоких деревьев с густой зеленой листвой. Ты будешь моей Евой в раю, который я создам, и мы будем в нем лишь вдвоем.

АКТРИСА. Как красиво вы говорите... Как в позапрошлом веке. Теперь такие слова

говорят очень редко.

ДРАМАТУРГ. Не говорят никогда.

АКТРИСА. Интересно, почему? Люди разучились говорить?

ДРАМАТУРГ. Они разучились чувствовать. Любовь теперь не в моде. Кто теперь пишет романы, пьесы и стихи про любовь? Это устарело. Тебя высмеют. А вот я влюбился. Наперекор моде. Наперекор тебе. Наперекор всем. Наперекор самому себе. И пьеса про нас с тобой будет о любви. Любви внезапной, нелогичной и необъяснимой. Какой она и должна быть. Итак, ты согласна?

АКТРИСА. На что?

ДРАМАТУРГ. На всё.

АКТРИСА. Вы не в своем уме.

ДРАМАТУРГ. Естественно. Мужчина, если он в своем уме, никогда не позволит себе влюбиться.

АКТРИСА. Так и не позволяйте. Ведь вся эта любовь не нужна ни мне, ни вам. Будьте благоразумным, будьте твердым.

ДРАМАТУРГ. Как будто это зависит от меня!

АКТРИСА. А от кого же?

ДРАМАТУРГ. Чувства потому и называются чувствами, что они не зависят от разума, не подчиняются ему и часто возникают вопреки ему. Если тебе жарко, или холодно, или ты взволнован, или растерян, или тоскуешь, или счастлив, то не потому, что это разумно и правильно, и не потому, что ты так решил, а потому что это приходит к тебе само, независимо от твоей воли.

АКТРИСА. Но всё, что здесь происходит, придумано вами. Разве вы не в силах этим управлять?

ДРАМАТУРГ. Я управляю, и то не полностью, только своими персонажами, но не самим собой. Я просто люблю, и всё. Разве ты не чувствуешь то же самое?

АКТРИСА. Не знаю. Поймите, я устала. Я на сцене всего полтора часа, и каждые десять минут я другая. То контролер автобуса, то проститутка, то доярка, то актриса, то люблю одного, то другого, то никого не люблю. Я, как всякая женщина, хочу чего-нибудь одного, постоянного, надолго.

ДРАМАТУРГ. Вот я тебе и предлагаю одно и надолго. Люби меня. Все равно я добьюсь тебя, и ты загорись от меня, как спичка от жаркого пламени. Ты будешь засыпать с улыбкой, вспоминая проведенный со мной день, и просыпаться счастливая в ожидании нового дня. Но не потому, что я автор и могу заставить тебя делать и думать всё по моему желанию, а потому что я тебя люблю, я тебя хочу. Вот увидишь: ты будешь моей!

АКТРИСА. Я не хочу быть вашей. *(Помолчав.)* Я хочу, чтобы вы были моим.

ДРАМАТУРГ. Я уже твой, а ты будешь моей королевой.

АКТРИСА. Наверно, каждая женщина в душе хочет властвовать. Ей хочется царить, ей хочется, чтобы ей поклонялись. И когда мужчина говорит ей, что она будет его королевой, она не может устоять. Хотя каждая из нас по опыту знает, что потом станет не королевой, а рабыней. Но мы все равно верим.

ДРАМАТУРГ. И напрасно. Верить никому нельзя. Никому – кроме меня. *(Обнимает ее.)*

Входят Актер и Автор. Оба с изумлением смотрят на происходящее. Первым в себя приходит Актер.

АКТЕР. А это еще что такое?

ДРАМАТУРГ. Вы уже здесь? Ну как, помирились? Впрочем, это неважно. Ваша ссора теперь неактуальна.

АВТОР. Почему?

ДРАМАТУРГ. Я задал неверную расстановку, а теперь ее исправил: не двое мужчин на одну женщину, а трое.

АВТОР. А кто же третий?

ДРАМАТУРГ. Я. Я в нее тоже влюблен.

АКТЕР. Вы?!

ДРАМАТУРГ. Я. Почему это вас так удивляет?

АКТЕР. Но вы же автор?

ДРАМАТУРГ. А что, авторы не могут влюбляться? Впрочем, я больше не хочу быть автором. Я хочу быть просто влюбленным в эту прекрасную женщину.

АКТЕР. Эта прекрасная женщина – моя жена.

ДРАМАТУРГ. Мы это переиграем. Где программка спектакля?

АКТЕР. *(Доставая из кармана программку.)* Вот

ДРАМАТУРГ. *(Читает.)* «Действующие лица: Драматург. Автор. Актер. Актриса, его жена». *(Откладывает листок в сторону.)* Да, так было задумано мною вначале. *(Берет листок и вносит ручкой исправления.)* А теперь будет по-другому: «Действующие лица: Драматург. Актриса, его жена. Автор. Актер».

АКТЕР. Просто «Актер»? Без жены?

ДРАМАТУРГ. Нет, почему же? С женой. Но женой драматурга.

АКТЕР. Через мой труп.

ДРАМАТУРГ. Пожалуйста. Я могу пристрелить вас в начале действия. А еще лучше вообще вычеркнуть вас из списка действующих лиц.

АКТЕР. И оставить меня без роли?

ДРАМАТУРГ. Да. Теперь вы вообще мне не нужны. Даже мешаете. Четыре персонажа – это слишком много. Лишние расходы на исполнителей. Хватит и двух: она и я.

АВТОР. Успокойтесь, стоит ли вам ссориться из-за женщины? Все равно ведь она будет принадлежать мне.

АКТРИСА. Может быть, кто-нибудь поинтересуется и моим мнением?

Мужчины переглядываются.

АВТОР. Смотря каким мнением.

АКТЕР. Подождите! Дайте сначала мне с ней поговорить. *(Отводит Актрису в сторону.)* Ты свое мнение высказала, когда согласилась выйти за меня замуж.

АКТРИСА. Но с тех пор прошло много времени.

АКТЕР. Ты хочешь сказать, что оно изменилось?

АКТРИСА. Я хочу сказать, что ты изменился.

АКТЕР. Я остался таким же, как был.

АКТРИСА. Значит, я просто тебя лучше узнала.

АКТЕР. И что же такое ты узнала?

АКТРИСА. Я бы не хотела выяснять наши семейные проблемы при посторонних.

АКТЕР. Все же объясни, что вдруг с тобой случилось.

АКТРИСА. Не вдруг. Ты стал не такой, каким был когда-то.

АКТЕР. Я это уже слышал. Все люди со временем меняются.

АКТРИСА. Вот видишь? Сначала ты сказал, что остался таким же, как был, а теперь говоришь, что изменился.

АКТЕР. Так что из этого следует?

АКТРИСА. Раз ты стал другим, то и мое отношение к тебе стало другим.

АКТЕР. Да, быть может, я в каких-то мелочах изменился. Но не в главном. Моя любовь к тебе осталась прежней.

АКТРИСА. А мне так не кажется.

АКТЕР. Почему?

АКТРИСА. Потому что ты никогда этого говоришь.

АКТЕР. А разве надо все время это повторять?

АКТРИСА. Желательно.

АКТЕР. Но я действительно тебя люблю!

АКТРИСА. Сегодня творится что-то странное. То десять лет никто не признавался мне в любви, то вдруг в один день признаются сразу трое. Причем самое странное, что один из этих троих – мой собственный муж.

ДРАМАТУРГ. (*Автору.*) Теперь я и сам не знаю, как повернется дальше действие.

АВТОР. А вам знать ничего и не надо. Поиграли – и хватит.

ДРАМАТУРГ. Что вы хотите этим сказать?

АВТОР. Пора объяснить и вам, и публике, что истинный драматург и настоящий автор все же я, а не вы. А второго драматурга, то есть вас, я просто придумал, чтобы попытаться оживить действие.

ДРАМАТУРГ. Вот как?

АВТОР. Вы не более чем персонаж моей пьесы, которую я пытаюсь сочинить. К сожалению, пока безуспешно.

ДРАМАТУРГ. Так я тоже персонаж? Очень хорошо. Мне вовсе и не хочется быть автором всей этой чуши.

АВТОР. Плохо ли, хорошо ли, но я снова беру бразды правления в свои руки. Господа актеры! Хватит там шептаться в углу. Выясните свои отношения дома. Все эти сцены любви и ревности отменяются. Идите сюда, и я разыграю с вами новую сцену. Это будет совсем другая пьеса.

Все четверо собираются в центре сцены.

АКТЕР. Так я не пойму: кто из вас все-таки автор?

АВТОР. Я.

ДРАМАТУРГ. (*Подтверждая.*) Он.

АКТРИСА. А кто же вы теперь?

ДРАМАТУРГ. Никто. Персонаж.

АКТРИСА. Какой?

ДРАМАТУРГ. Пока не знаю. (*Вполголоса, Актрисе.*) Главное, что мы с тобой теперь не в разных мирах и можем прекрасно поладить.

АКТРИСА. (*Вполголоса, Драматургу.*) Поговорим об этом позже.

АКТЕР. Что будем играть на этот раз?

АВТОР. Пока выйдите на минуту.

АКТЕР. Зачем и куда нам выходить?

АВТОР. А какая разница?

АКТЕР. Но для уходов со сцены всегда нужна причина, мотивировка.

АВТОР. Это было раньше. Теперь авторы никаких мотивировок не ищут: левая нога захотела, и всё. Но если вам так уж нужна мотивировка, то вот она: вам надо переодеться для заключительной сцены.

АКТРИСА. Так бы сразу и сказали.

Актер и Актриса выходят.

ДРАМАТУРГ. Ну, а мне что теперь делать?

АВТОР. Ничего. Исчезнуть. Но сначала помогите мне найти название для всего того, что творилось сегодня на сцене.

ДРАМАТУРГ. Дать хорошее название пьесе – это самое трудное. Особенно такой, как

ваша.

АВТОР. Но вы можете помочь?

ДРАМАТУРГ. Если дадите мне в ней хорошую роль. Обещаете?

АВТОР. Сначала помогите.

ДРАМАТУРГ. Не знаю, что вам и сказать... Что в вашей пьесе говорится про рыбу?

АВТОР. Про рыбу? Ничего.

ДРАМАТУРГ. А про мясо? Может быть, в ней было что-нибудь про мясо?

АВТОР. Про мясо? Нет, тоже ничего.

ДРАМАТУРГ. Ну, тогда так и назовите: «Ни рыба, ни мясо»!

АВТОР. Спасибо! Хороший совет!

ДРАМАТУРГ. Теперь насчет роли для меня. Скажите, эта женщина... Ну... Актриса. Кажется, я ее действительно полюбил. И не потому, что вы эту любовь придумали, а сам. Всерьез.

АВТОР. Очень хорошо. Теперь сами с этой любовью и разбирайтесь.

ДРАМАТУРГ. Но, чтобы быть с ней рядом, я должен участвовать в этой игре.

Придумайте и для меня что-нибудь, я вас очень прошу.

АВТОР. (*Подумав немного.*) Ну хорошо, я дам вам роль.

ДРАМАТУРГ. Надеюсь, не третьего лишнего?

АВТОР. Нет, Роль короткую, но важную.

ДРАМАТУРГ. Какую?

АВТОР. Вы говорили, что драматург похож на творца, создателя миров.

ДРАМАТУРГ. Да, говорил.

АВТОР. Вот я и предлагаю вам участвовать в акте творения.

ДРАМАТУРГ. В качестве кого?

Входят актеры: он – в образе Адама, Она - в трико, имитирующем «костюм Евы». Немая сцена.

АВТОР. (*Драматургу.*) Хватит на нее глазеть. Идите, входите в образ.

ДРАМАТУРГ. (*С трудом отрывая взгляд от Евы.*) В образ? В какой?

АВТОР. Поймете по ходу дела.

Драматург выходит.

ЕВА. Адам, я хочу с тобой поговорить.

АДАМ. А когда-нибудь бывает, что тебе не хочется поговорить? И почему всегда со мной?

ЕВА. Но ведь больше не с кем.

АДАМ. Это верно.

ЕВА. Мне скучно.

АДАМ. Что тебя опять не устраивает?

ЕВА. В раю, конечно, хорошо, но меня угнетает это жуткое одиночество. Ни компании, ни одной подруги. Некуда пойти. Не для кого одеваться. А даже если у меня было бы роскошное платье, кому его показать? Кто будет им восхищаться? Кто будет завидовать? Впрочем, где взять платье? Магазинов ведь тоже нет.

АДАМ, Ты снова хандрить. Чем тебе плохо?

ЕВА. Да, нам хорошо. Мы ничего не делаем, потому что все есть и делать ничего не надо. Мы ничему не учимся, потому что некому учить и не для чего учиться. Нам нечего хотеть. И как раз от этого скучно.

АДАМ. Ты говоришь, что нам нечего хотеть, а сама вечно чего-то хочешь. Скажи, чего?

ЕВА. Не знаю. Но подумай сам: у нас нет никаких развлечений. Ни книг, ни

телевидения, ни концертов, ни театров...

АДАМ. Без театра, положим, можно обойтись.

ЕВА. Нет даже интернета. А если бы и был, то для чего он нам с тобой? Посылать друг другу сообщения? О чем

АДАМ. Зато мы не работаем. Тебе не надо даже готовить. Протянул руку, сорвал какой-нибудь плод, и ешь.

ЕВА. Да я бы и рада готовить. Лучше в поте лица своего зарабатывать хлеб свой, и тогда минуты отдыха будут счастьем. А вечное безделье – это тоска зеленая.

Во время этой беседы незаметно входит Змей (его играет Драматург). В руках у него дерево. Поставив его в центре сцены, он прячется за ним.

АДАМ. Почему ты замолчала? Ведь ты хотела со мной поговорить.

ЕВА. Я уже не хочу. О чем нам говорить? Ведь здесь ничего не происходит. У нас нет новостей.

АДАМ. И хорошо, что нет. Кто-то дал взятку, кто-то сбежал с миллиардом, доллар снова подорожал, структурные реформы, рост цен, демонстрации, коррупция, санкции, бойкот, теракт, война... Тебе нужны такие новости?

ЕВА. Лучше такие, чем никаких. Человек не может существовать без общего дела, без встреч, разговоров, обмена мыслями, впечатлениями. Людям нужны другие люди, чтобы с ними говорить, им улыбаться, их любить... Неужели в этой пустоте нам суждено жить вечно!? С ума сойти.

АДАМ. Зато ты будешь вечно молода.

ЕВА. Молодость нужна, чтобы кому-то нравиться. А если некому?

АДАМ. Почему некому? А мне?

ЕВА. Извини, я хорошо к тебе отношусь, но видеть тебя и только тебя каждый день тысячу или сто тысяч лет...

ЗМЕЙ. *(Показываясь из-за дерева.)* Простите... Я невольно подслушал ваш разговор...

ЕВА. *(Вздвигнув от неожиданности.)* Кто вы?

ЗМЕЙ. Ваш друг. И я хочу вам помочь.

АДАМ. А мы думали, что нас только двое на свете.

ЗМЕЙ. Людей – только двое. Пока.

ЕВА. Что значит «пока»? Творец создаст и других людей?

ЗМЕЙ. Нет, вы создадите их сами.

АДАМ. Нам никто об этом не говорил.

ЗМЕЙ. Разве не было вам сказано: «Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей»? Что из этого следует?

АДАМ. Ну, что я и прилепился.

ЗМЕЙ. Правильно. Но, кроме того, из этих слов следует, что на свете должны существовать отец и мать.

ЕВА. А что значат эти слова: «отец», «мать»?

ЗМЕЙ. Это люди, которые дают жизнь новым людям.

ЕВА. Но ведь на свете нет других людей, кроме нас!

ЗМЕЙ. Пока нет.

ЕВА. *(Радостно.)* Значит, мы с Адамом можем дать жизнь другим людям?

ЗМЕЙ. Именно это я и хотел вам сказать.

ЕВА. А как это делается?

ЗМЕЙ. Слишком долго объяснять. Видите это дерево? Оно называется древо познания. Сорвите с него плод, и вы всё узнаете сами.

АДАМ. Нам запретили его трогать.

ЗМЕЙ. Ну и что?

АДАМ. Нарушать запрет нехорошо.

ЗМЕЙ. Вы не можете сейчас судить, что хорошо, и что плохо, что можно, и чего нельзя. Вкусите плод с древа познания и будете, как бог, знать добро и зло.

ЕВА. Но это грех.

ЗМЕЙ. Женщина для того и создана, чтобы вводить людей в грех и грешить самой.

ЕВА. Адам, чего мы боимся? Будет хоть какая-то перемена. Пусть к худшему, зато что-то наконец изменится.

АДАМ. Но нам ведь сказано, что если мы его сорвем, то умрем. И тогда не увидим больше ни земли, ни неба, ни звезд, ни солнца.

ЗМЕЙ. Чего ты боишься? Кто видел день, тот видел вечность. Но вы не умрете. Вы будете жить вечно, но только в своих детях и в детях своих детей.

Ева протягивает руку, срывает плод и пробует его.

АДАМ. Ну, как?

ЕВА. Попробуй.

Ева протягивает Адаму плод, он пробует его.

АДАМ, Сладкий.

ЕВА. *(Змею.)* Что вы на меня уставились? Отвернитесь. *(Срывает с дерева фиговый листок и нацепляет его. Затем срывает второй листок и протягивает его Адаму.)*

Оденься и ты.

АВТОР. А теперь остановитесь. Давайте кончим на этом спектакль.

АКТЕР. Совсем?

АВТОР. Совсем.

АКТЕР. Но почему? Мы ведь только разыгрались!

АВТОР. Хватит мучить зрителей. Надо честно признать, что пьеса у нас не получилась. Слишком пестро, слишком сумбурно, слишком хаотично...

ДРАМАТУРГ. Это верно. Хотели рассказать, как создаются пьесы, а показали какие-то бессвязные отрывки и разговоры.

АВТОР. За полтора часа разве сочинишь пьесу? Можно сделать только наброски.

АКТРИСА. Не расстраивайтесь.

АВТОР. А я и не расстраиваюсь. Ведь главная радость драматурга – не аплодисменты и поклонны на премьере, не восхищенные отзывы критиков, а сам процесс творения, когда твои герои возникают из ничего, из воздуха, небытия. И вдруг они обретают плоть и кровь, ими начинают двигать стремления и страсти, и ты даешь им свободу, но в то же время не выпускаешь из-под контроля. Придуманные тобою люди живут, любят, радуются, страдают, спорят, мыслят и, следовательно, существуют. Ну, а то, что за жизнью этих людей, может быть, будут следить зрители, верить в их существование, и порой думать: «это про меня», – это хоть и не главное, но тоже приятно.

ДРАМАТУРГ. Все это хорошо, но надо заканчивать спектакль.

АВТОР. Я бы и рад, но сначала надо придумать пьесе какой-то финал.

ДРАМАТУРГ. Это непросто. Всех драматургов всегда ругают за неудачный конец.

АКТРИСА. Пусть ругают. Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас.

АКТЕР. Надо придумать конец не такой, как обычно бывает в жизни, а счастливый.

Публика любит хэппи энд.

АВТОР. Какой же тут хэппи энд, когда пьеса не получилась?

АКТРИСА. Одно то, что наш спектакль все-таки кончается, это уже и есть счастливый конец. Так что не надо ничего придумывать.

ДРАМАТУРГ. Правильно. Чтобы нас потом не ругали за неудачный финал, давайте оставим пьесу вообще без финала.

АВТОР. Но как же все-таки мы ее закончим?

АКТРИСА. Очень просто. Возьмем и объявим: спасибо и до свидания! Конец!

ВСЕ ВМЕСТЕ. Спасибо и до свидания! Конец!

КОНЕЦ